

ВТОРОЕ воскресенье подряд Вера Валериановна проводит в читальной зале, за газеткой. Хоть обычно она берёт только книги, а газет не читает вовсе, довольствуясь новостями по радио. Этот незримый беседник для неё хорош уже тем, что в любой момент его можно выключить. А ещё он даёт возможность часами слушать Бетховена, Шуберта, Гайдна. Когда же очередь доходит до Моцарта, она раздвигает шторы и смотрит, как прожегом, дети в соседнем дворе, даже гонимы и воробьи начинают двигаться в такт. Слово каждый их шаг, жест, взмах крыла поднимается Вольфгангу Амадею.

Но то важно не засмотреться, не пропустить момент и повернуть ручку репродуктора сразу за последний аккорд, чтобы не разрушить этот призрачный мир выпуск новостей или сводки погоды. И это Вера Валериановна почти всегда делает, за что и ещё больше любит радио. А вот газеты раздвигает её бесцеремонно. Ещё не открытые, они уже по-хозяйски располагаются на столе, своими острыми заголовками начинают привлекать внимание. Это по-хозяйски, потому что Вера Валериановна никогда не держит в квартире газет, даже для растопки.

Правда, в потайном ящике секретера у неё хранится бивар с несколькими номерами «Сибиряк» за 1914 год. В одном из них некролог о смерти её мужа, полковника, команданта Иркутска Ипполита Петровича Заренбо, сообщая его товарищам по 27 Восточно-Сибирскому стрелковому полку. В другом она благодарит за помощь себе и детям всех военных чинов Иркутского округа. А ещё в четырёх номерах киноапрата Дон-Отеплого извещает о демонстрации смотрах на плавку порохов Ипполита Петровича.

Тогда, четырнадцать лет назад, кованоплющившая смерть мужа казалась ей главным несчастьем, но теперь, после двух войн и революции, она думала, что полковник счастливо избежал всего того, что пришло на долю его семьи. И она понимала: испытание ещё ждёт их, и дожила каждый день. Поворачивая ручку радиорепродуктора, она снова и снова надеялась, и сегодня отправится на работу, посланной ей по Ангаре Вольфгангом Амадею Моцартом. Или же поплывёт на лодке с Гаэтано Доничетти.

И вот две недели назад, как раз когда передавали оперу «Варяжцы», новая соседка, некто Нина Жукоская позвонила ей в дверь. Вера Валериановна, как обычно, стояла у окна и смотрела, как листья старательно кружатся, попадая в такт, а когда началась

«Мелочи» жизни

отчего-то выдвигает его? Ведь она понимает же, что его расстреляют? Или всё-таки не понимает?

Заренбо не смотрела пьесу Тренёва в Иркутском театре, но она слышала радиопостановку с одним из названий «Любовь Яровая». Эта женщина несколько смугляла её, но всё же она ей не показалась такой худой, как героиня «Цемент» Фёдора Гладкова, все повторяющая мужу: «Успокойся, товарищ Глеб!» Или как ещё одна молодая женщина из недавно прочитанной по радио повести: она ушла от супруга со своим ещё не рождённым ребёнком, чтобы «воспитать нового человека».

Кстати, все эти новые люди часто не имели собственного лица. Потому что главным для них была принадлежность к какой-нибудь группе; к примеру, выпускники фабрично-заводских училищ называли фабзавучами. А юные телеграфистки и вовсе ощущали себя принадлежностью аппарата, на которых работали. Симпатичная барышня Вера теперь представлялась клофепристикой, а её приятельница — «бодисткой», «юзистикой» и «морзисткой».

— Просто им очень хочется чувствовать себя новыми женщинами, — сказала Вера Валериановна Нине. — У нас вчера лектор московский выступал, так он несколько раз повторил: новая женщина так интересна, что для неё не родится ещё новый мужчина. И наш профессор так рассуждал, что предложил отправить письмо в «Женский журнал» — рассказать, как на нашей фабрике «куют новых женщин». И все дружно за это проголосовало, а потом стали так поглядывать на меня: мол, напишите, что ли? Ничко улюбилась не без лукавства.

Четверо из миллионов

Словом, в ближайший выходной отправилась Вера Валериановна знакомиться с новым журналом. И нашла его на почетном месте, за стеклянной дверкой большого шкафа, куда доспел был только библиотекарям. Очень удивила обложка: молодые женщины, мало похожие на передовиков производства, купались в море и загорали на пляже. Ещё более интересно оказалось приложение с выкройками. Тут же красовались и сами модели в элегантных костюмах и платьях. Госпожа полковница задумалась — у очень давно не встречала она на иркутских улицах людей в замечательных туалетах!

Но цветная обложка и вкладка с модами казались случайно вшитыми в этот журнал, наполненный суровыми героинями в бесформенных шапках и деревянных платках. Вглядываясь в них, можно было заметить некоторые черты, выразительные глаза, яркие от природы краски; но плотно сжатые губы и скорбные складки над ними, взгляд исполдобый или полный печали — всё это рисовало картину производственниц-общественниц, работающих по вечерам и по воскресеньям и полной заброшенности собственной семьи. Как ни силился журнальный фотограф, а ни одна из женщин так и не смогла улыбнуться — они просто застыли под взглядом заголовком «Четверо из миллионов».

А на соседней странице театральные обозреватели ввели: «А настоящее время у нас ещё нет своего пролетарского театра с парфюром героической борьбы и мирового социалистического строительства, но мы уже обладаем богатым репертуаром, отражающим революцию. И новая женщина уже отражена в нашем театральном репертуаре. Если сцена буржуазного театра знала женщин-хорошо, то выдуманный Октябрьем новый класс пролетариат дал женщине-товарищу, женщину-строительницу и поставил по-новому проблемы семьи и брака».

«Ну, для такого журнала я ничего подходящего написать не смогу», — огорчилась Вера Валериановна. Но оказалось, что Ничко уже сделала кое-какие наброски, и их нужно только отредактировать. Это были перелом очень частые в последние времена публикации о детских площадках, но Заренбо огорчилось другое — на одном тетрадном листке Ничко шесть раз повторила «бульвары и скверы». Эти два слова завораживали её — види-

мо, оттого, что в родном Черемхово не было ни одного бульвара и сквера. А в одной большой книге Ничко обнаружила чудную иллюстрацию: нарядные дети гуляли по бульвару в сопровождении мам и нянь. Мамы нигде не спешили, няни выглядели довольными, а у детей в руках были такие игрушки, что она и представить себе не могла. Ничко стало очень жаль и себя, и забегавшую, и Ваньку своего в его сером костончике, перешитом из мужниного пальто и вырва ещё бышим предметом гордости.

— Яли в Иркутске сейчас только один, а сквере на берегу Ангары не протолкнуться, и, главное, никто ведь не соглашается за чужим ребёнком приглядеть! — с обидой рассказывала она. — А вот я бы поиграла со всеми детьми, если бы имела свободное время, да ещё и няню в придачу! И откуда только берутся в наше время такие барышни? — она всплакнула и добавила: — В общем, рассордился я и в два присеста написала вот что: «Надо привлечь общественное внимание к скверам и бульварам, где большое скопление детей. Надо найти возможность обслуживать этих детей культурно-воспитательной силой на бульварах и скверах. Может быть, эта работа в скверах и бульварах спадит немного острую нужду в детских площадках? Может быть, уменьшатся несчастные случаи с детьми, обычные за последние время?» Бюки, что получилось плохо, с обидой, а испрывать никак не могу. Ванька же ведь, что бы стала нацеливала на будущее? Ведь так?

«Члену нашего профсоюза парижский фасон не к лицу!»

Заметку швеи Жукоской из Иркутска опубликовали в «Женском журнале» под рубрикой «Письмо матери». На фабрике Ничко похваляли и тотчас поручили ей организовать детскую площадку. Открыть её удалось лишь к маю, да и то потому лишь, что Ничко «отбилась от дома». Ванька вечера проводил с Верой Валериановной, но муж Николас всё-таки сдержал-

Корпоративные журналы активно подпитывались сигналами с мест

Вера Валериановна растерялась: она лет десять уже как перестала заглядывать в будущее; нынешнее устройство мира «по честному классовому принципу», с готовностью «члону поставила» — в будущем же жить одним днем. Она работала машинисткой в разных трестах и нередко исправляла в приказах грамматические ошибки, но дела это, скорее, автоматические, но не делала это, как бывало, делали его старшие братья. Но натолкнувшись на неожиданное: «Спокойно, товарищ Николай! Сообразив, что процитировала героиню спектакля, Ничко расхохоталась, а муж окончательно обиделся.

Это было неприятно, конечно, но зато в аккорд к открытию детской площадки дошёл народ как на картинке». Профсоюз рассордился на товарищеское чаепитие и пригласил трёх кураторов из краевого комитета. Двое из них были мужчины, ещё молодые и симпатичные, а третья — на реакцию неприятная тётка. Выступать она затрепещлась и всё время разглядывала Жукоскую со впервым выражением на лице.

Прошла неделя, и начала работу профсоюзная конференция. Ничко как активистку выбрана делегатом, а ещё ей досталось почётное место напротив трибуны, в третьем ряду. Так что неприятная тётка говорила, глядя ей прямо в глаза:

«Наша трудящаяся женщина прилагает все усилия, чтобы «одеться по-модному» и тратят на это массу времени и средств. Пора бросить эту бессмысленную погоню за парижскими фасонами — они женщинам нашего профсоюза не к лицу! Нам, работающим на производстве, необходимо выработать свои моды, более простые, доступные для каждой женщины. Необходимо провести широкую кампанию против «парижских новинок» и привлечь общественное мнение к созданию советских фасонов. В смысле упрощения, удобства и дешевизны».

«Быстро сходи домой и переоденься!» — прошипел фабричный профессор во время обеденного перерыва, и Ничко убежала с позором и в слезах.

Муж, не разобравшись, что там произошло, съехал к родителям, и вся родня собралась «выселить эту фифу из бабушкиной квартиры». Прокричавшись, угномонились, однако, и в наступившей тишине Николай примирительно уронил:

«Да ведь ладно мы жили-то, покада не стала она к этой соседке-институтке таскаться. Ничко растерянно поспотрела на мужа, хотела возразить, но родственники зашумели опять и в конце концов постановили поселить дочь младшего брата, а в его квартиру перевезти Николая с семьёй. Ничко сопротивлялась, но в квартире на 3-й Красноармейской её больше не пустили».

Года через два она повстречала на рынке женщину из дома напротив, спросила о Вере Валериановне.

— А что ей делается-то? Сколькo ни бьёт её жизнь, всё не горбится, держит спину. Одно слово, полковница. Раньше-то, пока мужа не скоронила, в большом доме жила. Дети? Двое, да только они давно выросли, отдельно живут, и

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТАРЫЕ ПОДПИШКИ

Перед большим обвалом

В 1928-м, когда происходит действие этого рассказа, жизнь похожа на старинное полотно, которое вынули из золоченой рамы, соскребли верхний слой и стали прорисовывать новый сюжет. Новонаевые мастера трудятся с энтузиазмом, но, взглянув на картину, время от времени обнаруживают, что старое пропалывает тут и там отгнившими островками. Их скрепят, затупившая, а они проступают опять. Скоро начнётся большая кампания по вытравливанию пережитков капитализма, а пока в Иркутске, как и по всей стране, подводят итоги первого десятилетия Октябрьской революции и падения царского самодержавия.

Художник Пешин получил и исполнил большую гонимую, и теперь центрпресса активно печатает репродукции с его полотна «Момент

отречения», «Передача царской семьи свидетелем большевикам для последующего расстрела».

Никто в этот год не сомневался в неизбежности скорой войны; о ней рассуждают со спокойной деловитостью: «Война потребует...», «война отразится на...», «объявление войны выведет...». Но именно это ощущение и послужило толчком к развитию массового физкультурного движения: «Наши спортсмены несут добытую энергию в работу, а когда наступит час, они понесут её на защиту СССР», — пишет журнал «Пролетарий связи» в материале об открытии Первой всесоюзной спартакиады.

В 1928-м пресса напоминала большой аквариум, в который добавили уже ядовитую

большая делегация немецких рабочих, да и с парижских пролетариев окрестностей призывы не церемониться при вынесении приговора. А русские пролетарии требуют: «Больше бдительности! Заговор раскрывает в Шахтинском районе, но никто не может погнаться, что этот год в других районах, на других производствах. То, что происходило в течение нескольких недель в Колонном зале, показало нам: не кончилась ещё гражданская война». А в одном из номеров «Пролетарий связи» развешены уже фотоснимки с призывами «смертным казням». Правда, речь идёт пока об уголовных преступлениях, но обвинительная лексика отшлифовалась настолько, что совершенно готова к массовому употреблению. «Зверный лик врага» мерещится за каждым углом, и враг, конечно же, будет обнаружен и уничтожен. Команда сверху не прозвучала ещё, но готовность исполнять её уже есть. А готовый был палачом без труда воспримет и роль жертвы. Пока

они ещё очень близки, но скоро начнётся большое размежевание.

Правда, у новой знати, ослеплённой собственным положением, ещё осталась иллюзия, что можно вернуться, спастись, что кого-кого, а её не заденет этот страшный коток, ведь она так возвышена и обласкана. Природа этих иллюзий покосится в том числе и на очарованную власть, желании послужить ей не за страх, а за совесть. Талантливые писатели без подсказки раскрывают и шивают сюжеты с тоненькой, незаметной, но прочной подкладкой идеологии. И не только общественно-политическим, но и корпоративным журналам общественные художественные произведения Алексея Толстого, Николая Погодина, Яли Ренца...

В редакциях ещё спорт и шутка с известной безлюдностью, а в шутку оговариваются: «американская пословца учит...» Ну, уж это оно точно зря!

Валентина Рекунова